

Ранним утром пришёл отец Е Дуо, Е Чэнь.

— Маленький Цзин, неплохо выстроился у тебя дом, а?

— Пойдет, пойдет.

— Насчет этого свадебного выкупа... давай-ка обсудим?

— Выкуп?

Тан Цзин потер лоб. Он думал, что старик заглянул просто поболтать, но никак не ожидал, что тот пришел требовать денег. Хотя он и хотел Е Дуо, тратиться ему совсем не улыбалось.

Заметив, что Тан Цзин не слишком доволен, Е Чэнь, изначально планировавший заломить цену побольше, немного умерил аппетит и с улыбкой произнес:

— Давай для вида: двадцать серебряных монет, а свадебный пир устраивать не будем. К тому же неизвестно, вернется ли еще Цинь Хунлань. Если вернется — ну, станет тогда наложницей!

Е Чэнь рассуждал просто: раз дочь сама согласна, можно обойтись малою кровью. В конце концов, это всяко лучше, чем остаться старой девой, которую никто не возьмет замуж — вот это была бы беда.

Двадцать серебряных монет — вполне приемлемо. Тан Цзин больше ничего не сказал и сразу отдал деньги.

Получив монеты, Е Чэнь пообедал и только потом ушел. В тот же вечер Тан Цзин взял Е Дуо в жены.

Раз деньги потрачены — нечего тянуть. Женщины имеют свойство сбегать, и если замешкаться, потом можно остаться в большом убытке.

Теперь в доме появилась хозяйка, и Тан Цзин больше мог не заботиться о быте, решив вплотную заняться заработком.

Уходить далеко нельзя: охота и сбор целебных трав приносили слишком мало дохода. Поразмыслив, Тан Цзин обратил свой взор на ходившие вокруг слухи.

В окрестностях то и дело судачили о спрятанных в какой-то горе сокровищах. Истории передавали во всех красках, иные даже пытались их отыскать, но еще никто не слыхивал, чтобы кто-то что-то нашел. Вот и у Тан Цзина появилась идея.

Наступила ночь!

Тан Цзин в одиночестве шарил по склону горы. Сейчас, помимо возросшей физической силы, у него развилась и невероятная чуткость.

Он шел вперед, то тут, то там простукивая скалы и стены — самый примитивный способ поисков сокровищ.

— О?

И правда, походив так некоторое время, Тан Цзин кое-что обнаружил.

Перед ним возвышалась каменная стена, за которой, судя по ощущениям Тан Цзина, скрывалась пустота. Были там сокровища или нет, он не знал, но вероятность того, что внутри прячется пещера, оказалась чрезвычайно высока.

Он не стал пробивать проход силой, опасаясь привлечь лишнее внимание, если сокровища действительно найдутся. Тан Цзин принялся обшаривать окрестности в поисках входа, пока наконец не приметил густые заросли дикого кустарника. Расчистив их, он обнаружил под ними груды щебня. Раскидав камни, он наткнулся на огромный валун, а сдвинув его в сторону, действительно открыл вход в пещеру.

— Неплохо, неплохо!

Шагнув внутрь, он и впрямь нашел сокровища — десять золотых слитков.

— Ха-ха, я разбогател!

Тан Цзин ликовал. За одну золотую монету давали сто серебряных, а сто золотых монет равнялись одному золотому слитку. Десять таких слитков составляли тысячу золотых.

Тысяча золотых — это сто тысяч серебряных монет! Экая гигантская сумма, просто невероятное богатство.

Теперь можно не работать до конца дней, еды вдоволь, а уж мясо и рыба на каждом обеде гарантированы.

Тан Цзин прибрал золотые слитки к рукам, немного повозился, маскируя следы своего проникновения, и радостно отправился домой.

Этих денег хватило бы на то, чтобы изменить свое положение в обществе, но Тан Цзин не был

глупцом и спешить не собирался, решив действовать постепенно.

Пришел Новый год!

Беден ты или богат, встретить праздник надо с радостью!

Окрестные семьи закупали рыбу и мясо, вывешивали парные надписи и бумажные узоры на окна, наполняя всё вокруг праздничным оживлением.

Тан Цзин не стал исключением: он ярко и пышно украсил дом, и вся семья облачилась в новые наряды.

В первый день нового года к нему завалилась целая толпа. И вовсе не с поздравлениями — эти люди пришли чинить неприятности.

Только вчера соседи прознали, что у Тан Цзина водится деньжата — из-за его прежней скрытности это выяснилось лишь накануне, — и теперь, ранним утром следующего дня, они явились качать права.

Зачинщиком выступил Шао Цзюнь, старший сын Цзоу Фэй. По возрасту и родству Тан Цзин должен был звать его братом.

Уставившись на Тан Цзина, Шао Цзюнь холодно произнес:

— Ты один загреб себе всё, что полагалось всем остальным. Посмотри, как люди перебиваются в этот Новый год, и только у тебя дом полная чаша. Говори, как будем решать?

Остальные молчали, недобро поглядывая на Тан Цзина. Каждый год перед самым праздником они ходили в горы на охоту и за травами, но нынче ни дичи, ни ценных кореньев добыть не удалось. У многих мясо для праздничного стола было взято в долг — нетрудно представить, насколько туго им приходилось.

Конечно, даже если бы Тан Цзин сидел сложа руки, сами они добыли бы не так много и жили бы впроголодь, но им просто претила мысль, что кто-то живет лучше них.

Оглядев собравшихся, Тан Цзин улыбнулся и сказал:

— Я живу здесь уже двадцать лет. Все эти годы я ничего такого не добывал, считайте, копил целых два десятка лет, а теперь разом вернул всё с процентами. Имею право, разве нет?

— Ха! — холодно усмехнулась Цзоу Фэй. — Ишь ты, возомнил себя хозяином положения?

Думаешь, что хочешь, то и воротишь?

— А как же иначе? — Тан Цзин бросил взгляд на Цзоу Фэй. Эта паршивая бабёнка в свое время нажила немало денег на Цинь Тянь, а из-за нее же его бедная дочь в пятнадцать лет осталась вдовами. Похоже, пришло время по квитаться с долгами.

— Это что еще за тон? — Шао Цзюнь демонстративно хрустнул пальцами, пытаясь запугать Тан Цзина.

Шао Цзюнь был рослым и крепким, и на первый взгляд трое таких, как Тан Цзин, не справились бы с ним.

— А какой тон тебе нужен? — с игривой усмешкой посмотрел на него Тан Цзин. Этот ублюдок в прошлом не раз третировал его, и эту обиду он хранил в сердце до сих пор. Если сегодня Шао Цзюнь распустит руки, винить ему останется только себя.

Нанести увечья и платить за лечение — траты хоть и немалые, но нынешнему Тан Цзину по карману было отметелить их всех до единого.

— Эй, все же свои люди, давайте обойдемся без крайностей, обсудим всё мирно, — выскочил на передний план Шао Мин, пытаясь сыграть роль миротворца. Он приходился Шао Цзюню отцом, а Тан Цзин по родству должен был звать его дядей.

— Маленький Цзин, народ тебя тоже не со зла теснит. Посмотри, мы ведь одна семья. Пусть это твои честные труды, но в них есть и доля каждого из нас. Давай так: мы не собираемся пользоваться твоим добром задарма, просто каждая семья займет у тебя немного денег, а после праздников мы всё вернем, — с улыбкой предложил Шао Мин.

— Ха-ха, — Тан Цзин и впрямь не знал, что и сказать на такое. Наглым людям возразить было нечего.

Зайнять?

Звучит красиво, но на деле — взял да не вернул.

— Не бойся, после праздников вернем всё до последней монеты с процентами. Все же свои люди, неужто станем кидать? — добавил Шао Цзюнь.

Вообще-то Шао Цзюню куда больше прельщал силовой метод, но сейчас, в праздничные дни, повсюду дежурили дозоры. Стоило кому-то проговориться или поднять шум — и проблем не оберешься.

Там, где люди, всегда споры. Родственные кланы блюли лишь внешние приличия, и если дела вершились втихую и чисто, на них никто не обращал внимания — одиночек слишком много, за всеми не уследишь, а случись кто мертвый — ну, для видимости проведут расследование да и закроют дело.

Тан Цзин перевел взгляд с Шао Цзюня на остальных и бесстрастно произнес:

— Если у вас в груди осталась хоть капля совести, посмотрите на мой дом. Мне одному приходится поднимать столько народу. Если бы не удача и не несколько кустов дикого женьшеня, мы бы этой зимой лапу сосали. Среди вас есть те, кто оказал мне добро в прошлые годы, я это помню. Если вы и впрямь оказались в беде, я готов помочь. Давайте так: разойдитесь по домам. Праздник на дворе, встретьте его в радости, а после праздников загляните ко мне поодиночке. Не позволяйте всяким подстрекателям сеять смуту и ставить людей в неловкое положение.

Некоторые из собравшихся действительно выручали его в прошлом, и пришло время отплатить за добро. Вот только делать это на глазах у толпы нельзя, иначе потом от этих бесстыдников отбоя не будет — станут цепляться мертвой хваткой.

Предложение Тан Цзина всем показалось разумным, даже семейство Шао Мин сочло его приемлемым: заявиться к Тан Цзику тайком куда выгоднее, там он уже никуда не денется.

Люди стали расходиться: кто-то бросал дежурные любезности, кто-то улыбался, выражая расположение, а кто-то уходил молча. Тан Цзин молча запечатлел всё в памяти.

Едва соседи скрылись, как Е Чэнь с семейством явился с ответным визитом. Впрочем, поздравления были лишь предлогом — главной целью было поесть, поэтому пришла вся родня от мала до велика.

Против таких гостей Тан Цзин ничего не имел. Праздник на дворе, встретим всех как положено, с радостью.

Выпив вина, Е Чэнь с улыбкой произнес:

— Маленький Цзин, я ведь всего на десять лет старше тебя, давай впредь звать друг друга просто братами?

— Папа!

Е Дуо помрачнела. Что за чушь несет ее старик отец?

— Какой тебе папа, зови братом! — рассмеялся Е Чэнь.

— Старый пьянчуга! — Е Дуо ничего не могла поделать с отцом, стоило ему выпить, как язык начинал плести всякую чепуху.

— Пьем, пьем! — Тан Цзин лишь посмеялся, не придавая этому значения.

— А у маленького Цзина и впрямь отличный дом, — с завистью протянула теща Шао Руосюэ, искренне радуясь за дочь. Прежде ведь ее никто не хотел брать: даже пожилые вдовцы да толстяки сторонились. Кто бы мог подумать, что она отыщет такого хорошего мужа!

Пусть Тан Цзину исполнилось тридцать, а старшая дочь была всего на два года младше Е Дуо, по возрасту их союз не вызывал никаких вопросов. В конце концов, сколько стариков женилось на молоденьких девчонках? Разве та же Цинь Тянь прежде не вышла замуж за старика?

Беден?

Тогда смотрят на возраст, рост да лицо.

Богат?

Да хоть старик, хоть жирный боров, хоть собака — найдутся желающие выдать замуж!

Этот Новый год с приходом клана Е выдался на редкость шумным и веселым. Гости после трапезы помогали прибираться, и все разошлись в самом прекрасном расположении духа.

Праздники пролетели быстро, и на четвертый день пришел Шао Мин.

— Маленький Цзин, давай на чистоту: мы дома за все праздники мяса не видали, рис и тот в долг брали. Не мог бы ты одолжить мне пару сотен медных монет? — без обиняков начал Шао Мин.

Пара сотен медных монет — всего-то несколько серебряных. Нынешний Тан Цзин ворочал деньгами и вполне мог отсыпать мелочи, чтобы отделаться от просителя, но опасался, что те сядут ему на шею, поэтому сразу соглашаться не спешил.

— Дядя, положи руку на сердце, я сам трачусь без счета, у меня сейчас на руках всего-то чуть больше тысячи медных монет. Если уж тебе совсем невмоготу, могу занять сотню, — с видом величайшего страдания и мастерски изображая стесненность в средствах, произнес Тан Цзин.

— Сотню? — Шао Мин обрадовался про себя, но на лице изобразил разочарование. — Сотни мне даже долги раздать не хватит! Я человек совестливый, обещал ведь после праздника рассчитаться со всеми, а если не хватит, мне потом людям в глаза смотреть стыдно будет.

Вообще-то Шао Мин был бы рад и нескольким десяткам монет, но услышав, что Тан Цзин готов дать сотню, он тут же счел сумму слишком маленькой.

А про несколько сотен он ляпнул для красного словца, понятия не имея, сколько у Тан Цзина водится наличности.

— Эх, я и сам не рад, столько ртов кормить надо, — тяжело вздохнул Тан Цзин, продолжая разыгрывать сироту.

— Ладно, сотня так сотня, — с брезгливым видом протянул Шао Мин, словно это не ему одалживают деньги, а он делает одолжение.

Тан Цзин не стал спорить: отсчитал монеты и спровадил гостя. В конце концов, он все еще чувствовал за собой небольшой долг перед Шао Мин, так что сотня монет вполне сойдет за расплату.

В последующие дни за деньгами потянулись и другие. Кому-то перепало, кому-то отказали наотрез, но к пятнадцатому числу первого месяца в долг ушла ровно тысяча медных монет.

После этого пришло время притворяться бедняком: Тан Цзин собрал жену с детьми и отправился «побираться» к тестю Е Чэню, заодно зайнув у того немного денег для пущей убедительности.

Месяц спустя, когда шумиха вокруг его семьи улеглась, он снова зажил припеваючи.

Со временем кто-то вернул долг, кто-то отделивался отговорками о трудностях, а иные и вовсе делали вид, что ничего не брали.

Тан Цзин и не настаивал: вернут — хорошо, нет — и ладно.

В один из полуденных дней Цзоу Фэй снова привела людей к Цинь Тянь. На сей раз с ней появился мужчина лет сорока, разведенный и с сыном.

— Тан Цзин, этот Лань Хай предлагает триста медных монет, упустишь момент — потом локти кусать будешь. На твоей дочери всё равно виснут два прицепа, ее замуж никто больше не возьмет, так что соглашайся давай, — с видом «я о тебе забочусь» и легким раздражением выговорила Цзоу Фэй. Если сделка выгорит, ей причиталось двадцать медных монет.

Тан Цзин молчал, не желая ввязываться в пустые разговоры — пусть дочь сама принимает решение. Свою позицию он обозначил ясно: останется дома — он прокормит и в обиду не даст, а надумает замуж — его это больше не касается.

— Тетя, ты хочешь довести меня до могилы? Мало тебе?!

Цинь Тянь с ненавистью уставилась на Цзоу Фэй. Именно эта паршивая бабёнка загнала ее в нынешнее положение, и если бы взглядом можно было убивать, Цзоу Фэй уже давно лежала бы мертвой.

— Ишь ты, девчонка! Возраст пришел — замуж пора. То, что в первый раз не сложилось, так это судьба твоя горькая, при чем тут я? — рассердилась Цзоу Фэй и собралась уходить. Она прекрасно знала, что Тан Цзин нынче стал расторопным и поживиться за счет его семьи уже не получится.

<http://bllate.org/book/19302/1889166>